

**№ 146. СОЛОМАН—ЦАРЬ
(ЦАРЬ СОЛОМАН И ВАСИЛИЙ ОКУЛОВИЧ)**

- За славным было да за синим морём
У прекрасного царя Василья Окульева
А ще у него было заведен все почестен пер
На всих на князей, на бояров.
5. А ще красное—то солнышко на вечере,
А почестен пир да был на веселе.
А вси—то на пиру да пьяны—веселы.
А—за стола было да—за дубового,
А—за того—за перу да за—почестного
10. А выходит прекрасный царь Василий Окулевич.
Он всем бьет челом, князьям и да поклоняется.
— «А ще вы, мои князи—бояры,
А вси вы на перу да вы накормлены,
А вси вы на перу да вы напоены,
15. А вси вы на перу да вы поженены, —
А я у вас один да холост, ня жанат.
- Уж дайте—ка мне супротивную,
Чтобы станочком со мной была ровенька,
А росту была бы высокешенька,
20. А что очи—то у ней—да черна соболя,
Волосом желта да и умом сверстна!»
С—за того ли стола да со дубового,
С—за того ли перу с—за почестного,
А выходит вор Ивашка да Поваренин,
25. А бьет он целом царю да поклоняется:
— «А щё ты, прекрасный царь Василий ты Окулевич,
Уж я знаю да тебя да супротивную:
Есть за славным за синим морём,
А ще есть у царя у Соломона,
30. А ще есть царица Соломания.
А ще ростом она да и высокешенька,
А ще очи—то—да ясна сокола,
А ще брови—да черна соболя,
Волосом желта да и умом сверстна!»
35. Тут прекрасный царь Василий—то Окулевич,
Он ударил—то Ивашку по той стороны,
Переправил он Ивашка по другой стороне.

- «Ой ты, вор Ивашка ты Поваренин,
Как мѡжно у жива мужá жена отнять?»
40. А того Ивашка не пытаючи,
А ще бьет челом царю да поклоняется:
— Ай же ты, прекрасный царь Василий ты Окулевич,
Уж я знаю у живá мужá да жанú отнять.
Ты сострой— ка мни кораблики червленнии,
45. А порáссади ты садики зеленя.
Ты поставь там рыбьяную бесѣдушку,
Насади— ка там птицы райские,
Что бы пели они там песни царьские.
А клади на столики дубовые,
50. Ты клади питья да забудúщие,
Оставь ты кроваточки тесовые,
Ты клади перины да пухóвые,
А наволóцецьки клади ситцеви,
Занавесочки— то крусчатой камкú,
55. А Солóману— то — шубу соболиную,
А царице — кáмочку крусчáтую;
А хоть не дóрога кáмочка крусчáтая,
Только дóроги узоры— то заморские.»
Тут прекрасный царь Василий— то Окулевич,
60. Уж он сделал— то кораблики червленые,
Он порáссадил сáдички зеленя,
Сделал— то рыбьяную бесѣдушку,
Посадил— то птиц райских,
Чтобы песенки пели воны́ царьские.
65. Клаал он туды столицьки дубовыи,
А на столицьки дубовыи ествушки сахáрныи.
Уж он клаал в кроватоцьку тесовыи,
На кроватоцьку периноцьки пухóвыи,
- А наволóцецьки— то ситцевые,
70. Занавесочки крусчатой камкú,
А Солóману— то шубу — соболиную,
А царице— то — кáмоцику крусчáтую;
А не дóрога камóцика крусчáтая,
Только дóроги узоры— то заморские.
75. Скоро скажется, да тихо деется.
А що поежжал Ивашка за синё морё,
А ему бог— то дал да поветерыце.

- Приежжал Ивашка за синё морё,
А ко тому ко крутому ко беряжку,
80. А й выкидывал подмостоцьки дубовья,
Выходил на крут на красен беряжок,
Приходил к Солóману да под окошецьки,
Закричал — то своим он громким голосом:
— «А ще в доме есть да Солóман — царь?»
85. А Солóмана — то в доме не случилось,
А случилось царица Соломáния.
А она бросилась да по всё плéчь в окно:
— «Ты ступай, Ивашка, во высок терём!»
А пришол Ивашка на высок терём,
90. Уж он крест ведет по — писáному,
Он поклоны ведет — то по — ученому.
— «Здравствуй ты, царица Соломáния,
А щи вот ти дóроги подароцьки:
А Солóману — то — шубу соболиную,
95. А тебе — камóцику крусчáтую.
А поди оцени живот у меня нá садах, —
А що мни у вас да торговать,
А що вам — то да платить да пошлины.»
А подароцьки царице в цесть пришли,
100. Говорит царица Соломáния:
— «Ты торгуй, Ивашка, хоть и год поры́,
Ай торгуй, Ивашка, хоть по двá году,
А що нам с тебе пошлин не надобно!»
А того Ивашка не пытается,
105. А бьет челом царице, поклоняется.
— «Ай же ты, царица Соломáния,
Поди оцени живот у меня нá садах!»
Уж и тут царица Соломáния,
Умывалася она тут все белёшенько,
110. Накрутилоси она тут да хорошохонько,
И пошла она на кораблики червленя.
Ай увидла она садицьки зеленя,
Ай увидла она птицюшек — то райских,
Что поют — ти песни царьских.
115. Она на кроватоцьку тут садилася,
Она тут — то все принапилася,
(Прислушаласи ко всему так...)
А тут царица охмелилася.

А что тут Ивашка да Повáренин,
Он раздернул белы парусоцики,

583

120. Ему бог—то дал поветéрьицо,
Полетел Ивашка за синё морё.
Среди моря́ царица прохмелиласи,
Среди моря́ царица прохватиласи,
Начала царица слезно плакати:
125. — «Ай же ты, вор Ивашка ты Повáренин,
Ты зачем увез царицу Соломáнию?»
Начала царица слезно пла́кати,
А тут Ивашка уговаривати:
— «Не плачь, царица Соломáния,
130. Буде бог спáсет за славно за синё морё,
А што выдадим замуж за дру́того,
Ай за прекрасного царя Василья за Окульевича!»
Скоро скажется, да тихо деется,
Приежжали оны за синё морё.
135. Тут сретал прекрасный царь Василий—то Окульевич,
Он брал за ручки ты за белыи,
Целовал он во уста во сахарныи,
А сходили—то оны во божью́ церкóвь,
Уж и приняли да золоты венци.
140. А што жили—то оны да все—то трí годú
А во великом во совете во любвии.
Уж Солóман царь Давыдьевич,
Он собирал свою силушку по трí годú,
Он собирал свою силушку великую.
145. По край моря он силушку останавливал,
А своёй—то силушке наказывал:
— «Ай же ты, моя сила великая,
Уж я первый раз затрублю во ту́рий рог, —
Вы седлайте—ко добрых коней.
150. А уж я в дру́гой раз затрублю в ту́рий рог, —
Садитесь вы на добрых коней.
А уж третий раз затрублю во ту́рий рог, —
Приежжайте дáлеча—далёко во чистó полё!»
Тут Солóман царь Давыдьевич
155. Подошел к Василью да Окульеву да под окошечко,
Закричал своим да громким голосом:
— «В доме есть ли нунь прекрасный царь Василий да

- А Василья—то Окулевича—то дома не случилось,
А случилась царица Соломáния,
160. Она бросилась да вся по плечь в окно,
Говорила она да таково́ словó:
— «А ще ты, Солóман царь Давыдьевич,
Ты пойдн ко мне да на высок терём!»
И пришол Солóман на высок терём.
165. Кормила Солóмана—то дóсыти,
Поила Солóмана—то дóпьяна,
Говорит она таково́ словó:
— «Ай же ты, Солóман царь Давыдьевич,
Ты ступай теперь да в оковán ларец, —
170. Скоро надо быть Василью да Окульевичу!»

584

- А он хмельным умом да пьяным рáзумом,
Он да сел в оковán ларец.
(*Это сундук.*)
А приходил прекрасный царь Василий да Окульевич,
Говорила она да таково́ словó:
175. — «Ай же ты, прекрасный царь Василий да Окульевич,
Мы кого боялись по трí годú,
А ще тот у нас сидит да в оковán ларьцю,
(*Тут вот одно нехорошее слово скажу. Ничего?*)
А под моей под под бабьею.
Ты казни Солóмана да нáскоре,
180. А що тот Солóман—то хитёр—мудёр,
А що есть—то у него сила великая,
Ты казни Солóмана нáскори, —
А що есть—то у него сила великая.»
Говорит Солóман царь Давыдьевич:
185. — «А що ты, прекрасный царь Василий—то Окульевич,
Не казни Солóмана ты нáскоре,
А казни Солóмана по—царьскому,
Чтобы знали да по всим землям,
Что казнил Солóмана прекрасный царь Василь Окульевич,
190. Что казнил Солóмана да во чистóм полí.
Ты пошли своих верных слуг,
Тут поставят столики точеныи,
А кладут—то тут грядочки орлёныя,
А повесят тут петельку шелкóвую.

195. Вы же тут мени повесите!»
 Тут послушал прекрасный царь Василий да Окулевич,
 Он послал своих да верных слуг:
 — «Вы пойдите — ка, послы верные,
 Вы поставьте столбы точеныи,
200. Вы кладите грядочки орлёные,
 Вы повесьте петельку шелкóвую!»
 И повели Солóмана да во чистó полё.
 Гюворит Солóман царь Давыдьевич:
 — «Ай же ты, прекрасный царь Василий да Окулевич,
205. Я охотник был смолоду да корóв пасти,
 Я охочь был стрелять гусей да лёбедей,
 Ты дай — ко ми при смерётушки
 Во тóрий рог сыграть!»
 И говорит царица Солóмания:
210. — «А ще есть Солóман хитёр — мудёр,
 А ще есть у него силá великая,
 А первую — то петлю прóйдя хитростью,
 А вторую — то своей мудростью,
 А на третьей все он да и повесится!»
215. Отпоясала от себя да и шелкóв пояс.
 А тут Солóман царь Давыдович,
 Проиграл — то он в первый раз во тóрий рог,
 А що ў моря — то пошел шум велик.
 И говорит прекрасный царь Василий да Окулевич:
220. — «А что это у мóря шум велик?»
- Говорит Солóман царь Давыдьевич:
 — «Я охотник был стрелять да гúсей — лёбедей,
 Летят они на царьскую смерётушку, —
 Все — то звери, птицы срадовáлися.»
225. И он дрúгой раз затрúбил во тóрий рог,
 Еще больше ў моря шум пошол.
 И он в третий раз затрубил во тóрий рог,
 И налетела силушка великая.
 А в первую — то петельку — прекрасного царя Василья
 Окулевича,
230. А во вторую — то петлю — Ивашку Повáренина,
 А що тут царица да заплакала:
 — «Ты прости меня во той вины!»
 — «Уж я в первой вины могу простить,

- Что пошла ты на са́ды черленые;
235. И другу вину тебе могу простить,
Что пошла ты замуж да за дру́того;
А третьей вины не могу простить,
Что отпоясала свой шелко́в пояс!»
Тут царицу Солома́нию в той пётле повесили.
240. И тут Соло́ман царь Давыдович
Собира́л свою силушку великую
И поехал в свою сторону.